

Если бы ранние годы Фёдора можно было сравнить с чистым, бьющим из-под земли ключом, то в день, когда в нём пробудилась эсперская способность, он собственноручно бросил в этот источник жизнь своего отца. С того самого мига ключ иссяк, оставив после себя лишь сухую, мёртвую пустоту.

То был самый обыкновенный день — настолько ничем не примечательный, что он ни капли не отличался от сотен других зимних дней в России.

Отец сидел рядом и расспрашивал его об уроках. Это был строгий, властный человек — именно такой, каким его привыкли видеть окружающие: безупречно вежливый, благопристойный и требующий от сына того же. Мальчик ни в коем случае не должен был уронить его достоинство.

Фёдор механически отвечал на вопросы, пока мысли его витали где-то далеко. Он вовсе не хотел отвлекаться — просто в ушах его вдруг зазвучал чужой, тихий шёпот. Голос монотонно зачитывал то, чего никогда не случалось в действительности, заставляя мальчика усомниться в собственной вменяемости. Неужели это бред? Галлюцинация?

Но таинственный шёпот не умолкал. Он бормотал без остановки, слова сливались в неразборчивый гул, и лишь одно из них прозвучало отчётливо, врезаясь в сознание:

«Грех...»

Он мысленно повторял его снова и снова, не в силах постичь скрытый смысл.

Отец, заметив невнимательность сына, нахмурился и тяжело опустил руку ему на плечо, собираясь сделать выговор.

— Фёдор, когда разговариваешь с кем-то, не смей витать в облаках. Фёдор? Да что с тобой? Ты меня слышишь?

Отец сдвинул брови. Не дождавшись ответа, он сменил гнев на милость, и в его суровом голосе зазвучало беспокойство. Он помнил, что здоровье у сына слабое, и, глядя на его бледное, отрешённое лицо, заподозрил неладное. Вдруг у мальчика жар?

Мужчина протянул руку и осторожно прикоснулся к его лбу тыльной стороной ладони.

— Кара... — неосознанно сорвалось с губ мальчика, хотя он сам ещё не понимал значения этих слов.

Отец рухнул на пол мгновенно, без единого звука.

Когда Фёдор пришёл в себя, его мать, на глазах которой разыгралась эта трагедия, уже сидела на полу. Её дрожащие пальцы потянулись к губам мужа, пытаясь уловить хоть слабое дыхание. Ничего. Женщина испуганно вскрикнула, но тут же судорожно зажала рот ладонью.

Она долго сидела так, словно оцепенела, не в силах пошевелиться.

— Иди сюда... Скажи мне, что это не ты... Скажи, что в дом пробрался вор или... или этот, из слухов... Ну же, посмотри на меня и скажи, что это сделал не ты! — шептала мать, прерывисто, но всё быстрее и лихорадочнее захлёбываясь словами.

Для Фёдора её слова звучали подобно буре, готовой поглотить его без остатка. Стоило лишь солгать, произнести короткое «нет» — и она сама выдумала бы тысячи оправданий, чтобы защитить его от ужасной правды.

— Это я, — тихо произнёс он, понутив голову. В ушах всё ещё монотонно гудел невидимый шёпот, пока мальчик покорно ждал приговора от единственного близкого человека.

Хлёсткая, отчаянная пощёчина обожгла щёку. Мать ударила со всей силы, так, что в ушах зазвенело, а перед глазами всё поплыло. Но Фёдор остался стоять на месте, готовый покорно принять любую бурю, что обрушится на него следом.

— Почему... — едва слышно пробормотала она, глядя на него затуманенным взором. — Почему именно мой ребёнок?..

Вглядываясь в бледное детское лицо, она тихо запричитала, но больше не подняла на него руку. О людях со сверхспособностями она, конечно, слышала, но всегда считала их глупыми сказками на ночь. И лишь теперь, когда беда постучалась в её собственный дом, осознала: эсперы существуют на самом деле. Но плата за это знание оказалась невыносимо жестокой.

В тот момент на неё снизошло пугающее, мёртвое спокойствие. Долго, бесконечно долго она мерила шагами гостиную. Наконец, достав из шкафа привычное пальто и обувь мужа, она взвалила его безжизненное тело себе на спину и вышла за порог, приказав Фёдору оставаться дома.

С той ночи в памяти Фёдора запечатлелась лишь одна деталь: незапертая дверь и ледяной зимний ветер, который с завыванием врывается в пустой дом. Было очень холодно.

На следующий день тело отца нашли в глубоком сугробе далеко от дома. На коже не обнаружили ни единой царапины.

Когда нагрянула полиция, убитая горем мать крепко прижимала к себе голову Фёдора, рыдая взахлёб. Сквозь слёзы невозможно было разобрать ни слова: она оплакивала безвременную кончину мужа, страшный грех сына и их общее, неизбежное падение в бездну искупления.

Жандармы, так ничего и не добившись от обезумевшей вдовы, вскоре ушли ни с чем.

С тех пор они остались вдвоём.

— Пробуждение твоей эсперской способности стоило жизни отцу. Мать скрыла правду, но не вынесла двойного удара — ни душевного, ни телесного, — и вскоре тоже слегла.

В этих нескольких словах крылась вся неприглядная правда: о разрушенной семье и о первородном грехе Фёдора Достоевского.

Фёдор промолчал. Лишь пальцы его едва заметно вздрогнули.

Он понял: утаить правду от стоящего перед ним человека не удастся. Ситуация принимала скверный оборот. Разгадав его секрет, мужчина наверняка удвоит бдительность, лишая Фёдора малейшего шанса на внезапный, смертоносный удар.

— И что дальше? — Фёдор тихо, бесцветно усмехнулся. — Сдашь меня властям? Или отправишь на костёр, как чернокнижника?

Мальчик смерил собеседника колючим взглядом. Ему не укладывалось в голову, зачем кому-то раскапывать дела давно минувших дней. Подобное упрямство подошло бы ищейке на службе закона или эксцентричному детективу, ведомому праздным любопытством. Но Аль-Хайтам не походил ни на того, ни на другого. О семейной трагедии Фёдора он говорил сухо, отстранённо, будто пересказывал скучную хронику из старой газеты.

Фёдор не мог разгадать его мотивов. Всё происходящее казалось абсурдом. Уж точно ему не пришло бы в голову, что этот человек караулил его здесь лишь ради того, чтобы забрать к себе, вовсе не нуждаясь в его эсперском даре.

— Ни то, ни другое, — спокойно возразил Аль-Хайтам. — Я обеспечу тебя всем необходимым. Но взамен ты должен пообещать мне одно: веди себя как самый обыкновенный ребёнок. Точно так же, как вёл себя при матери.

Так они заключили эту странную сделку, условия которой остались ведомы лишь им двоим, и Аль-Хайтам забрал мальчика с собой.

Когда мадемуазель Полина вернулась в контору, она так и застыла на пороге, увидев нового, совсем юного «работника». Озадаченная, она поспешила расспросить мужчин.

— Сын дальних родственников, — небрежно и туманно пояснил Аль-Хайтам, предоставляя ей волю домысливать остальное. — Мать его недавно преставилась, вот и приютили на время, чтобы присмотреть.

«Сирота, оставшийся без крова и отданный на попечение родне...»

Сердце Полины сжалось от жалости. Столько горя на долю столь юного создания — это казалось несправедливым, почти невыносимым.

Фёдор и впрямь выглядел жалко: бледный, болезненный, с понуро опущенной головой. С самой минуты появления он не проронил ни звука, что лишь укрепляло окружающих в мысли о глубоком душевном потрясении.

— Господи, да у вас же пальцы совсем посинели от холода! — запричитала Полина и засуетилась, спеша налить бедному ребёнку горячего чая.

— Благодарю вас, — кротко отозвался Фёдор. Он примерил на себя роль послушного, воспитанного мальчика, бережно принял чашку и принялся мелкими глотками пить согревающую влагу.

В этот момент прямо между ними внезапно высунулась голова Господина В — причём висел он в воздухе вверх тормашками. Демон из всех сил корчил нелепые гримасы, однако Фёдор, который единственный мог созерцать это зрелище воочию, продолжал невозмутимо отвечать на вежливые расспросы Полины, искусно делая вид, будто перед ним пустое место.

Господин В не думал сдаваться. Он устроил вокруг мальчика целое представление с летающими по воздуху предметами (разумеется, невидимыми для Полины), неослабно следя за малейшим движением его ресниц.

Булгаков, воспользовавшись предложением налить себе чая, ухватил назойливого чёрта за шкуру и силой уволок прочь.

— Оставь его в покое! — сердито прошептал Булгаков, затащив беса в самый тёмный угол кабинета за подол сюртука. — Мальчик только что лишился матери. Даже если он тебя не видит, прекрати эти кривляния. Я-то тебя прекрасно вижу, и меня это жутко злит!

— Помилуйте, сударь! Требовать от Сатаны сострадания? Это же курам на смех! — Господин В упрямо тряхнул головой, всем своим видом показывая, что любые уговоры бессмысленны.

Булгаков заскрежетал зубами от бессилия. Сладить с этим порождением преисподней было решительно невозможно. Ему и самому частенько доставалось от проделок нечистого, так что сдерживать его порывы было выше человеческих сил.

Фёдор краем глаза наблюдал за препирательствами писателя и чёрта, стараясь ничем не выдать себя и по-прежнему разыгрывая перед Полиной роль несчастной сироты. Облик Господина В слишком уж точно соответствовал его личным представлениям о «греховной эсперской скверне». Мальчик ловил себя на мысли, что если этот цирк продолжится, ему

придётся составить план по уничтожению наглого беса.

Словно предугадав опасное направление его мыслей, Аль-Хайтам поднял строгий взгляд и посмотрел прямо на мальчика. Это было безмолвное, но предельно ясное предупреждение.

«...»

Фёдор мысленно вздохнул и покорно усмирил свой нрав. Спорить с Аль-Хайтамом сейчас было глупо.

И всё же, какую пыткой это было! Корчить из себя обычного ребёнка, притворяться, будто не замечаешь потусторонних тварей и сам обделён всяким даром... Для фанатика, поклявшегося искоренить эсперскую заразу с лица земли, подобное притворство превращалось в медленную, изошрённую пытку.

Он покрепче прижал к себе остывающую чашку, вежливо отказавшись, когда Полина предложила подлить кипятку.

Внезапно тишину кабинета нарушил резкий телефонный звонок.

Полина извинилась перед мальчиком и поспешила к аппарату.

Сначала на её лице отразилось недоумение, но по мере того, как собеседник на том конце провода говорил, её глаза загорались всё большей радостью.

— Да-да, конечно... — закивала она. — Благодарю вас, премного благодарна! Как насчёт послезавтра? Прямо у нас в конторе. Наверняка вы заметили наш адрес на последней странице книги... Да, именно так. Отлично! Будем ждать.

Счастливая Полина с силой опустила трубку на рычаг и едва ли не закружилась на месте от восторга.

— Нам предлагают помощь с продвижением! — выпалила она, сияя от счастья. — Представляете, этот господин готов лично оплатить дополнительный тираж!

Повесть «Дневник лишнего человека» наконец-то нашла своего читателя! Кто-то не просто оценил рукопись по достоинству, но и вызвался помочь с её изданием. После стольких дней гнетущего безмолвия это известие казалось настоящим чудом.

Ей не терпелось сию же минуту схватиться за перо, чтобы настроичить письмо своему близкому другу и сообщить самую главную весть: его труд признан.

— Так, Полина, возьми себя в руки. Спокойно... Это ведь только начало! — Она слегка похлопала себя по щекам, стараясь унять радостную дрожь, но глаза её по-прежнему горели воодушевлением.

Булгаков, мигом прикинув в уме, насколько вырастут его доходы с увеличением объёма работ, мысленно благословил щедрого благодетеля. Сейчас, помимо страстного желания спровадить поскорее назойливого Господина В обратно в ад, у него была лишь одна мечта — скопить немного денег и отправить их родным, дабы те знали, что в Москве он устроился неплохо.

— Ну что ж, какие будут распоряжения? — в голосе Булгакова впервые за долгое время послышался неподдельный рабочий азарт.

— Для начала наведём здесь идеальный порядок. Нужно создать видимость того, что наша контора процветает, а не пустует без дела.

— И запишите имя гостя, чтобы не опростоволоситься. Он представился как Лев Николаевич Толстой. Через пару дней он пожалует к нам лично для обсуждения деталей, так что смотрите не выставьте его за дверь, решив, будто он ошибся адресом, — с улыбкой пошутила Полина.

<http://bllate.org/book/18256/1755703>